

Джозеф Шеридан Ле Фаню Страница истории одного семейства из графства Тирон

«Глаза мертвецов: Антология ирландских рассказов о призраках»: Азбука-классика;
Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-91181-809-8

Аннотация

Героиня рассказа выходит замуж за богатого лорда. Вскоре объявляется слепая полубезумная женщина, утверждающая, что лорд уже женат на ней.

Джозеф Шеридан Ле Фаню Страница истории одного семейства из графства Тирон

В следующем повествовании я попыталась как можно точнее передать *ipsissima verba*¹ моей дорогой подруги, поведавшей историю собственной жизни, сознавая, что всякое отклонение от той манеры, в какой она ее излагала, неизбежно скажется на ее достоверности и превратит ее в подобие сказки.

Как жаль, что, передавая слова, я не могу дать читателю представление об оживленных жестах, о выразительном лице, о серьезности облика и торжественности тона, которым она посвятила меня в мрачные подробности своей волнующей и странной истории. Но более всего мне жаль, что я не в силах наделить читателя своим искренним убеждением, что рассказчица собственными глазами видела то, о чем говорила, и лично принимала участие в описываемых ею событиях. Эти обстоятельства, наряду с глубокой и скорбной религиозностью моей подруги, несовместимой с искажением истины или фальсификацией фактов, делают повествование особенно значимым и печальным, а не просто любопытным рассказом о невероятных событиях.

Я познакомилась с дамой, из уст которой услышала эту историю, почти двадцать лет тому назад, и рассказ этот столь поразил меня, что я тотчас, пока он не успел поблекнуть у

¹ Подлинные слова (*лат.*).

меня в памяти, перенесла его на бумагу. Если это чтение развлечет вас в досужий час, то мои труды были не напрасны.

Я обнаружила, что записала историю от первого лица, так, как рассказала мне ее героиня, и, может быть, это к лучшему.

Вот как она начиналась:

— Я родилась в семействе Ричардсон, иными словами, принадлежала к весьма знатному роду из графства Тирон. Я была младшей из двух дочерей. Других детей кроме нас в семье не было. Разница в возрасте между мною и сестрой составляла почти шесть лет, поэтому в детстве я не могла наслаждаться тесным общением с нею и не имела в ней подруги по играм, как это обычно бывает, когда сестер не разделяют годы, и я была еще девочкой, когда сестра моя вышла замуж.

Руку она отдала некоему мистеру Кэрю, богатому и знатному джентльмену из Северной Англии.

Я помню знаменательный день ее венчания, кареты, тесно уставившие двор, шумных лакеев, громкий смех, веселые лица и нарядные платья. Подобное зрелище прежде мне видеть не доводилось, но оно нисколько не рассеивало тоскливого чувства, охватившего меня в преддверии разлуки с той, чья нежная забота до сих пор помогала переносить холодность матери.

Вскоре настал день, когда счастливой чете предстояло покинуть наше поместье Эштаун-Хаус. У главного входа давно стояла заложенная коляска, а сестра все не могла расстаться со мной, снова и снова целуя меня и повторяя, что мы скоро увидимся.

Коляска укатила, а я все глядела и глядела ей вслед, пока глаза у меня не наполнились слезами, и, тихонько вернувшись к себе в комнату, заплакала неутешнее и горше, чем когда-либо прежде.

Отец, кажется, никогда не любил меня и даже мною не интересовался. Он всегда желал иметь сына и, думается, так никогда и не простил мне того разочарования, что постигло его при моем появлении на свет.

Мое рождение представлялось ему каким-то вторжением обманщицы, а поскольку причина его неприязни ко мне крылась в недостатке, исправить который я была не в силах, я не надеялась когда-либо снискать его любовь и уважение.

Моя мать, полагаю, относилась ко мне сносно, однако ее отличал рациональный и практический склад ума. Она нисколько не сочувствовала женским слабостям и даже обычным женским чувствам и привязанностям, не разделяла их и обращалась со мною строго, а по временам даже с излишней суровостью.

Поэтому нельзя сказать, что в обществе родителей я нашла утешение после разлуки с сестрой. Примерно год спустя после ее замужества мы получили письмо от мистера Кэрю, в котором тот уведомлял нас о болезни сестры, если и не показавшейся нам смертельной, то по крайней мере встревожившей нас. Он особенно подчеркивал, что сестра потеряла аппетит и страдает приступами кашля.

В заключение мистер Кэрю сообщал, что намерен воспользоваться неоднократными приглашениями моих родителей и привезти сестру в Эштаун, в первую очередь потому, что пользовавшийся ее доктор настоятельно советовал ей какое-то время пожить на родине, в привычной с детства обстановке.

Кроме того, мистер Кэрю уверял нас, что здоровье сестры не внушает серьезных опасений, поскольку причину ее недомогания доктор видит в расстройстве печени, а не в чахотке, которую подозревали поначалу.

Как и было объявлено, сестра и мистер Кэрю приехали в Дублин, куда отец послал за ними карету, чтобы они могли отправиться в Эштаун-Хаус в любой день и час, когда пожелают.

Мой отец и мистер Кэрю условились, что, как только будет выбран день отъезда, тот уведомит о сем письмом. Отец позаботился о том, чтобы два последних перегона они проделали на наших собственных лошадях, быстрых и надежных, в отличие от почтовых,

которые в ту пору обыкновенно вызывали одни нарекания. Им предстояло покрыть за время путешествия не менее девяноста миль за два дня, с остановкой на ночлег, и большую часть пути — за второй день.

В воскресенье мы получили письмо, где говорилось, что они выедут из Дублина в понедельник и надеются прибыть в Эштаун во вторник к вечеру.

Настал вторник, вечер подходил к концу, а кареты все не было; сгустилась тьма, а мы все ждали гостей, но тщетно.

Время шло, пробило полночь; стояла совершенная, ничем не нарушаемая тишина, ни один лист не шелохнулся, поэтому любой звук, тем более стук колес, донесся бы издалека. Его-то я дожидалась с замирающим сердцем.

Однако мой отец неукоснительно придерживался обыкновения запираť дом с наступлением ночи, и, когда закрыли ставни, я уже не могла разглядеть из окна подъездную аллею, как мне хотелось. Прошел почти час после полуночи, и мы уже отчаялись дожидаться их ночью, как вдруг мне почудилось, будто я различаю стук колес, но столь отдаленный и слабый, что вначале я не могла поручиться за истинность своих ощущений. Стук все приближался, делался громче и отчетливее, потом на мгновение затих.

Вот раздался пронзительный скрип ржавых петель — это распахнулись ворота, выходившие на подъездную аллею, — вот снова послышался быстрый стук колес...

— Это они! — воскликнула я, словно очнувшись ото сна. — Карета катится по аллее!

Какое-то мгновение мы все стояли, затаив дыхание, и прислушивались. Карета с грохотом понеслась дальше, как ураган, кучер щелкал кнутом, колеса громко стучали, и вот уже карета, дребезжа и подпрыгивая, катится по мощенному неровным булыжником двору. Тут уже и собаки разразились дружным и яростным приветственным лаем.

Мы бросились в холл и тут услышали, как во дворе с особым, ни с чем не сравнимым лязганьем опустили подножку кареты, как вслед за ним раздался приглушенный шум голосов и обычная суeta, сопровождающая приезд. И вот, распахнув дверь холла, мы высыпали во двор навстречу гостям.

Двор был совершенно пуст; ярко светила луна, в ее лучах необыкновенно отчетливо предстали высокие деревья, омытые полуночной росой, пролегли по земле их длинные призрачные тени, и более ничего.

Мы замерли, в недоумении и страхе оглядываясь по сторонам, точно только что проснувшись. По двору, рыча и подозрительно обнюхивая землю, бродили мгновенно притихшие и, судя по всему, явно напуганные псы.

Не в силах понять, что произошло, мы в замешательстве и смятении глядели друг на друга, и полагаю, более мне не довелось видеть столько бледных лиц сразу. Отец приказал осмотреть все вокруг, в надежде отыскать причину таинственного шума, который мы слышали, или хотя бы выяснить, откуда он мог доноситься, но все тщетно, — даже грязь на подъездной аллее оказалась не потревоженной колесами. Мы вернулись в дом, пораженные ужасом, какой мне даже и не описать.

На следующий день от нарочного, скакавшего без отдыха почти всю ночь, мы узнали, что сестры моей нет в живых. Воскресным вечером она легла в постель, чувствуя себя довольно скверно, а в понедельник доктора безусловно признали ее недомогание гнилой горячкой. Час от часу ей становилось хуже, и во вторник, вскоре после полуночи, она скончалась.

Я упоминаю об этом обстоятельстве потому, что оно обросло тысячью самых недостоверных и фантастических слухов, хотя, казалось бы, истину не к чему расцветивать домыслами, и еще потому, что оно произвело сильное и неискоренимое впечатление на мое душевное состояние, а возможно, и на характер.

На протяжении нескольких лет после описываемых событий, когда боль утраты слегка притупилась, я испытывала такую подавленность и нервозность, чувствовала себя столь жалкой и несчастной, что кажется, и вовсе не жила. За это время у меня развилась привычка избегать всяких сознательных решений и безучастно смиряться с чужой волей, боязнь

вызвать хотя бы малейшее недовольство и отвращение к тому, что обыкновенно называют развлечениями. Подобные слабости стали неотъемлемой частью моего нрава, и я даже не думала их искоренить.

С мистером Кэрю мы более не виделись. Как только свершился печальный обряд похорон, он вернулся в Англию и не долго оплакивал покойную супругу: не прошло и двух лет со дня ее смерти, как он снова женился. После этого, поскольку жил он далеко от нас, а также в силу иных обстоятельств, мы постепенно потеряли друг друга из виду.

Отныне я была единственным ребенком, а так как моя сестра умерла, не оставив наследников, то состояние моего отца, коим он распоряжался безраздельно, естественным образом должна была унаследовать я. Потому нет ничего удивительного, что мне не исполнилось и четырнадцати, а Эштаун-Хаус уже осаждали толпы поклонников. Однако, оттого ли, что я была еще слишком молода, оттого ли, что ни одного искателя моей руки родители не сочли достаточно знатным и богатым, и отец и мать позволяли мне поступать, как мне заблагорассудится, и не принимать предложения. Я не испытала нежных чувств ни к одному поклоннику и впоследствии поняла, что в этом заключалась великая милость судьбы или, скорее, Провидения, ибо моя мать не потерпела бы, чтобы глупый каприз, как она обыкновенно именovala сердечную склонность, помешал осуществлению ее честолюбивых планов. Эти намерения моя мать воплотила бы, безжалостно сметая все преграды, и даже не преминула бы пожертвовать ради их осуществления столь безрассудным и презренным чувством, как любовь юной девушки.

Когда мне сравнялось шестнадцать, планы моей матери обрели отчетливое направление. Она приняла важное решение и вместе со мною отправилась на зиму в Дублин, чтобы, не теряя времени, наилучшим образом сбыть меня с рук.

Я так давно привыкла считать себя не стоящим внимания, жалким существом, что не могла и вообразить, будто я — причина всей этой суеты и шумных приготовлений. Избавленная своим неведением от страданий, я ехала в столицу, совершенно безучастная к своей будущей судьбе.

Богатство и знатное происхождение моего отца давали ему доступ в высшее общество, и потому, прибыв в Дублин, мы могли вращаться в самых изысканных кругах и участвовать в самых утонченных увеселениях, какие только сыщутся в столице.

Новая для меня обстановка большого города, новые впечатления не могли не развлечь меня, постепенно мое душевное расположение изменилось и я обрела свою прежнюю природную веселость.

Тотчас же в обществе распространился слух, что я богатая наследница, и, разумеется, многие сочли меня весьма привлекательной.

Среди множества родовитых поклонников, которых мне посчастливилось очаровать, один вскоре снискал такое расположение моей матери, что она немедленно отказала прочим, менее достойным искателям моей руки. Я, однако, не понимала его намерений, даже не замечала, что он увлечен мною, и нисколько не подозревала, какую судьбу уготовили мне его внимание и расчет моей матери, пока она совершенно неожиданно не открыла мне этого.

Мы вернулись с роскошного бала, который давал лорд М. в своей резиденции в Сейнт-Стивенз-Грин², и я с помощью служанки одну за другой поспешно сняла драгоценности, богатству и обилию которых могло позавидовать любое семейство Ирландии.

Я без сил опустилась в кресло у камина, утомленная долгим вечером, как вдруг мои грезы прервал звук приближавшихся шагов, и в комнату вошла моя мать.

— Фанни, душенька, — начала она как можно мягче, — я хотела бы поговорить с тобой, прежде чем ты ляжешь спать. Надеюсь, ты не очень утомлена?

— Нет, мадам, благодарю вас, — ответила я, торопливо поднимаясь с кресла, как того требовали старинные правила вежливости, коих почти никто не придерживается ныне.

² Сейнт-Стивенз-Грин — аристократический район Дублина, расположенный вокруг одноименного парка.

— Сядь, душа моя, — сказала мать, усаживаясь на стул рядом со мной. — Мне нужно кое-что обсудить с тобою, нам хватит и четверти часа. Сондерс, — обратилась она к горничной, — можете идти. Дверь в комнату оставьте открытой, а дверь в переднюю закройте.

Приняв такие меры предосторожности и обезопасив себя от любопытных, моя мать продолжала:

— Ты, без сомнения, замечала, Фанни, не могла не заметить знаки внимания, которые столь настойчиво оказывает тебе лорд Гленфаллен?

— Уверяю вас, мадам... — начала было я.

— Хорошо, хорошо, тебе не в чем оправдываться, — перебила меня она. — Конечно, юной девице пристала скромность, но послушай меня, душа моя, всего несколько минут, и я сумею убедить тебя, что в этом случае твоя скромность совершенно излишня. Ты добилась большего, чем мы ожидали, по крайней мере так скоро. В тебя влюблен лорд Гленфаллен. Поздравляю тебя с победой. — И, закончив эту маленькую речь, моя мать поцеловала меня в лоб.

— Влюблен в меня! — воскликнула я в непритворном удивлении.

— Да, влюблен, — повторила моя мать. — Он преданно, самозабвенно тебя любит. И что же здесь удивительного, душа моя? Погляди в зеркало и погляди на это, — продолжала она, с улыбкой указывая на драгоценности, которые я только что сняла и которые, сверкая, громоздились на моем туалетном столике.

— А что, если... — снова начала я и замолчала, терзаемая смущением и искренним страхом. — А что, если все это какая-то чудовищная ошибка?

— Ошибка? Помилуй, как можно, душенька, — ответила моя мать. — Это совершенно исключено. Сама посуди, прочитай это, дитя мое.

С этими словами она протянула мне адресованное ей письмо, печать на котором была взломана. Я прочитала его со все возрастающим изумлением. Сначала лорд Гленфаллен расточал высокопарные комплименты моей красоте и всевозможным совершенствам, превозносил древность и славу нашего рода, а потом сделал официальное предложение руки и сердца, о котором моя мать могла тотчас уведомить меня или нет, по своему усмотрению. В заключение лорд Гленфаллен испрашивал разрешения навестить нас в Эштаун-Хаусе, куда нам предстояло вернуться с наступлением весны, если его предложение будет принято благосклонно.

— Ну что ж, душенька, — нетерпеливо спросила моя мать, — ты знаешь, кто такой лорд Гленфаллен?

— Знаю, мадам, — робко откликнулась я, опасаясь ее упреков.

— И что же так тебя испугало, душа моя? — продолжала мать. — Его титул? Чем он мог повергнуть тебя в такой ужас? Он не стар и не безобразен.

Я промолчала, хотя могла бы добавить: «Он не молод и не хорош собою».

— Моя дорогая Фанни, — продолжала моя мать, — если рассудить здраво, тебе воистину посчастливилось снискать расположение такого родовитого аристократа, как лорд Гленфаллен, молодого и богатого, наделенного, по всеобщему убеждению, блестящими, да, блестящими качествами, представителя семейства, влияние которого не знает себе равных в Ирландии. Разумеется, ты смотришь на его сватовство так же, как и я, — полагаю, иначе и быть не может.

Последние слова она произнесла весьма недвусмысленным тоном. Меня столь поразила внезапность этого известия, что я и вправду не знала, как ответить.

— Надеюсь, ты ни в кого не влюблена? — спросила моя мать, резко обернувшись ко мне и пристально вглядываясь в мое лицо суровым испытующим взглядом холодных темных глаз.

— Нет, мадам, — пролепетала я, вне себя от ужаса, — да и какая барышня не испытала бы подобных чувств на моем месте?

— Рада это слышать, — сухо откликнулась моя мать. — Однажды, тому уж лет

двадцать, подруга спросила у меня совета, как поступить с дочерью, вышедшей замуж по любви, то есть оставшейся без гроша и опозорившей семью. Нимало не колеблясь, я сказала: «Надлежит забыть о ней, отринуть ее раз и навсегда». Такого наказания, по моему мнению, заслуживала девица, уронившая честь не моего, чужого семейства, — не моя, чужая дочь... Но точно так же, не испытывая и тени сожаления, ни минуты не помедлив, я наказала бы собственное дитя. Не могу вообразить более безрассудного и непозволительного поступка, чем своеволие девицы, вступающей в брак по любви и губящей своими пустыми капризами благополучие и репутацию семьи.

Она произнесла эту небольшую речь чрезвычайно сурово, а потом замолчала, словно ожидая от меня какого-то возражения, однако я промолчала.

— Но нет нужды объяснять тебе, моя дорогая Фанни, — продолжала она, — мои взгляды на замужество. Ты всегда их знала и до сих пор не давала мне повода полагать, будто ты способна сознательно оскорбить меня или злоупотребить, а тем более пренебречь теми преимуществами твоего положения, которые, повинувшись разуму и долгу, тебе следовало бы умножить. Поди же сюда, моя дорогая, и поцелуй меня; и потом, к чему этот испуганный вид? Кстати, о письме: ты можешь не отвечать на него сейчас. Несомненно, тебе потребуется время, чтобы все хорошенько обдумать. А я пока напишу его светлости, что он может навестить нас в Эштауне. Спокойной ночи, дитя мое.

Так завершилась одна из наиболее тягостных и странных бесед, которые когда-либо выпали на мою долю. Трудно было точно определить, что за чувства питала я к лорду Гленфаллену, — каковы бы ни были подозрения моей матери, сердце мое было совершенно свободно, — и до сих пор, хотя я и не догадывалась о его истинном отношении ко мне, лорд нравился мне как любезный, широко образованный человек, приятный светский собеседник. В юности он служил во флоте, и лоск, который обрели его манеры впоследствии, когда он стал вращаться в высшем обществе, не вовсе лишил его той открытости, какую молва неизменно приписывает морякам.

Насколько глубоки были эта искренность и открытость, мне еще только предстояло узнать. Однако, проведя в обществе лорда Гленфаллена немало времени, я убедилась, что, хотя он и старше, чем мне того хотелось, он человек приятный и любезный. Если я и питала к нему какую-то антипатию, то лишь поскольку не без оснований подозревала, что меня принуждают за него выйти. Однако я размышляла, что лорд Гленфаллен богат и всеми уважаем, и, хотя я никогда не смогу испытывать к нему страсти, я, без сомнения, буду с ним счастливее, чем дома.

При следующей нашей встрече мной овладело немалое смущение, но его такт и безупречное поведение вскоре вернули мне прежнюю уверенность, так что в свете никто не заметил моей неловкости и замешательства. Я уехала из Дублина в имение с радостным чувством, совершенно уверенная в том, что даже самые близкие мои знакомые не подозревают об официальном предложении руки и сердца, сделанном мне лордом Гленфалленом.

Это стремление сохранить все в тайне доставляло мне немалое облегчение, ибо меня не только охватывал безотчетный страх при мысли о сплетнях и пересудах, предметом коих я могу сделаться. Я сознавала также, что если злоречивый свет узнает о сватовстве, то в его глазах я буду связана обещанием и мне не останется ничего иного, кроме как принять предложение лорда Гленфаллена.

Между тем быстро приближался срок визита лорда Гленфаллена в Эштаун-Хаус, и моя мать изо всех сил убеждала меня не противиться ее воле и дать согласие на брак до приезда лорда Гленфаллена, чтобы все прошло гладко, без упрямства и капризов с моей стороны. Поэтому любое мое сопротивление предстояло безжалостно подавить, любые, даже самые робкие проявления своеволия, на которые я могла отважиться, — искоренить раз и навсегда, еще до его приезда. И так моя мать взялась за эту задачу с решимостью и энергией, перед которыми пали бы даже преграды, возведенные ее собственным воображением.

Однако если она ожидала от меня упорного сопротивления, то была приятно удивлена.

Сердце мое было совершенно свободно, лорд Гленфаллен мне нравился, и я прекрасно сознавала, что если я рискну ему отказать, нарушив волю родителей, то моя мать сделает все, что в ее силах, чтобы превратить мое домашнее существование в пытку, сравнимую с самым неудачным браком.

Напоминаю, мой добрый читатель, что я была очень молода и всецело зависела от родителей, а оба они, в особенности мать, не разбирались в средствах, когда речь шла о благополучии семьи. Если же те, на кого распространялась их власть, не подчинялись беспрекословно, они были намерены во что бы то ни стало навязать свою волю самым жестоким и безжалостным способом.

Потому-то, как нетрудно догадаться, я, не оказав ненужного сопротивления, тотчас приняла то, что представлялось мне моей судьбой.

В назначенный срок явился лорд Гленфаллен, которого я отныне считала моим нареченным; он пребывал в самом приподнятом настроении и так и сыпал шутками, остротами и забавными историями, всячески стремясь меня развлечь.

Я не в силах была разделять его веселость, однако мою подавленность с лихвой искупало безмятежное расположение духа моей торжествующей матери, расточавшей восторги и благосклонные улыбки.

Не стану утомлять читателя ненужными подробностями. Скажу лишь, что я обвенчалась с лордом Гленфалленом, и церемония была отпразднована с должной пышностью и торжественностью, как и пристало в столь богатом, знатном и уважаемом семействе. По обычаю того времени, нынче, по счастью, канувшему в Лету, пиршество затянулось далеко за полночь и в конце концов переросло в шумное, разнузданное, разгульное обжорство и пьянство.

Как сейчас помню, все это повергло меня в немалое смущение, особенно грубые и вульгарные шутки записных острословов и пустых бездельников, из тех, что не пропускают ни случая повеселиться и напиться пьяным за чужой счет.

Когда спустя несколько дней к подъездной аллее Эштауна подали карету лорда Гленфаллена, я нисколько не сожалела о том, что уезжаю, ведь любая перемена избавляла меня от чопорных, чинных и утомительных визитов, которые мне приходилось принимать во множестве как новой леди Гленфаллен.

Мы решили погостить в фамильном имении Гленфалленов, Кэргиллах, расположенном в одном из южных графств, и, поскольку состояние дорог в те времена оставляло желать лучшего, наше путешествие обещало продлиться не менее трех дней.

Итак, я отправилась в путь со своим титулованным супругом, и меня провожали кто с сожалением, кто с завистью, хотя Господь знает, сколь мало заслуживал зависти мой жребий. Трехдневное путешествие подошло к концу, мы как раз въехали на поросший вереском холм, и тут нашим взорам предстало поместье Кэргиллах.

Зрелище это показалось мне столь же прекрасным, сколь и необычным. К западу простиралось обширное озеро, широко раскинувшуюся водную гладь которого окрасили пурпуром лучи заходящего солнца, а над ним теснились островерхие холмы, поросшие густой бархатистой травой. На зеленом травяном покрове холмов там и тут выделялись серые, изъеденные временем камни, а на склонах, среди лощин и низин, причудливо сочетались пятна света и тени. Холмы окаймляли густые заросли карликового дуба, берез и орешника, подступавшие к самым берегам озера и украшавшие каждый мыс, который выдавался в воду, а иногда и взбиравшиеся на вершины холмов.

— Вот и зачарованный замок, — произнес лорд Гленфаллен, указывая на широкую равнину меж двумя живописными холмами, смутно вырисовывавшимися на дальнем берегу озера.

Эта маленькая долина был покрыта тем же низкорослым диким лесом, что и основная часть поместья, однако посреди нее возвышалась роща куда более высоких и величественных деревьев, полускрывших старинную, квадратного сечения башню, которую окружало множество строений поменьше и поскромнее, вместе составлявших барский дом,

или, как его обыкновенно называли, Кэргиллах-Корт.

Подъезжая по петляющей дороге к равнине, на которой стоял господский дом, мы могли любоваться видом поседевшего от времени древнего замка и прилегающих зданий. Глядя на его силуэт, открывавшийся в лучах заката в конце длинной аллеи высоких старинных деревьев, я не уставала повторять, что никогда прежде не видела более пленительного зрелища.

Я не без удовольствия заметила и столбики голубоватого кудрявого дыма, кое-где поднимавшиеся над трубами, скрытыми густым ярко-зеленым плющом, что настоящим ковром устилал стены замка. Вблизи замок выглядел весьма уютным и, несмотря на свою явную древность, не обнаруживал никаких следов упадка и разрушения.

— Уверю вас, душа моя, — сказал лорд Гленфаллен, — этот замок вовсе не так плох, как может показаться. Я нимало не очарован стариной и уж во всяком случае никогда не поселился бы в доме только из-за его древности. Не помню, чтобы мне хоть раз удалось подавить в себе отвращение к крысам и ревматизму, этим неразлучным спутникам благородных поместий. Я безусловно предпочту уютную и удобную, вполне прозаическую спальню с сухими простынями какому-нибудь старинному покою со сквозняками, колышущими полуистлевшие гобелены, с покрытыми плесенью подушками и прочими любопытными деталями, без которых не обходится ни один роман. Однако, хотя я и не могу пообещать вам множество неудобств, обыкновенно сопровождающих жизнь в старом замке, вам предстоит услышать здесь столько легенд и рассказов о призраках, что вы проникнетесь к нему невольным уважением. И если домом все еще управляет старая Марта, а я полагаю, это так и есть, она поведаст вам сверхъестественную историю о каждом уголке и чулане замка. Однако вот мы и дома, так что, без лишних слов, добро пожаловать в Кэргиллах!

Мы тотчас вошли в холл, и, пока слуги переносили наши сундуки и другой багаж, который мы привезли с собой, в покои, выбранные для нас лордом Гленфалленом, я вместе с ним направилась в просторную гостиную, отделанную изящными полированными панелями черного дуба и украшенную портретами достойных представителей рода Гленфаллен.

Окно гостиной выходило на широкую лужайку, покрытую мягкой бархатистой травой и причудливо обрамленную величественными деревьями, о которых я уже упоминала. Сквозь их трепещущие листья, меж ветвями и стволами, как сквозь естественные арки, пробивались ровные лучи заходящего солнца. Поодаль несколько скотниц доили коров, напевая ирландские мелодии, обрывки которых доносились издалека, весьма приятно для слуха, а рядом с коровницами сидели или лежали, преисполненные чувства достоинства от сознания выполняемого долга, пять или шесть больших собак разных пород. Еще дальше сквозь переплетающиеся ветви деревьев можно было заметить, как оборванные деревенские мальчишки гонят к остальным коров, отбившихся от стада.

Пока я рассматривала эту сцену, меня охватило глубокое, как никогда прежде, чувство безмятежности и блаженства, и это ощущение показалось мне столь новым и незнакомым, что глаза у меня невольно наполнились слезами.

Лорд Гленфаллен принял мою растроганность за проявление грусти и, ласково взяв меня за руку, произнес:

— Не волнуйтесь, любовь моя, я вовсе не намерен здесь поселиться. Как только вы пожелаете уехать отсюда, вам достаточно будет сказать, и мы немедленно покинем это мрачное место. Умоляю, не скрывайте от меня того, что вас тревожит и что я в силах изменить. Но вот и старая экономка, сейчас я представлю вас Марте, она нечто вроде семейной ценности, переходящей из поколения в поколение.

Марта оказалась бодрой, живой, добродушной пожилой женщиной, вовсе не напоминавшей мрачную, дряхлую, старую ведьму, которую нарисовало мое воображение, поскольку лорд Гленфаллен изобразил ее кладезем страшных историй, без сомнения во множестве связанных со старым замком.

Она радушно приветствовала своего господина и меня, неустанно поздравляя нас, попеременно то целуя нам руки, то прося прощения за эту вольность, пока наконец лорд

Гленфаллен не прервал этот несколько утомительный обряд, потребовав, чтобы она отвела меня в предназначавшиеся мне покои, если они уже приготовлены.

Я поднялась следом за Мартой по старинной дубовой лестнице, а затем прошла по длинному темному коридору, в конце которого виднелась дверь, а за нею, очевидно, располагались выбранные для нас комнаты. Здесь старушка остановилась и почтительно предложила мне пройти первой.

Я не заставила себя упрашивать, открыла дверь и собиралась было войти, как вдруг что-то вроде черной завесы, потревоженной моим внезапным появлением, обрушилось откуда-то сверху, совершенно закрыв дверной проем. Испуганная этим неожиданным происшествием и шорохом упавшей ткани, я невольно отпрянула и попятилась. Застенчиво улыбнувшись, я обернулась к старой служанке и сказала:

— Видите, какая я трусливая.

Марта поглядела на меня с недоумением, и я, не добавив более ни слова, хотела было отвести завесу в сторону и войти, но тут с немалым изумлением поняла, что дверной проем открыт и никакой пелены нет.

Я перешагнула порог, служанка последовала за мной, и я с удивлением заметила, что моя спальня, как и нижние покои, отделана панелями и возле двери нет никаких драпировок или гобеленов.

— Где она? Куда же она делась? — спросила я.

— Что вам угодно знать, миледи? — откликнулась старушка.

— Где черная завеса, которая упала сверху, закрыв дверной проем, когда я хотела войти? — повторила я.

— Храни нас Господь! — воскликнула старушка, внезапно побледнев.

— Что случилось, милая? — спросила я. — Вы точно чего-то испугались.

— Нет, миледи, — возразила Марта, тщетно пытаясь скрыть волнение, а потом, проковыляв к ближайшему стулу, без сил опустилась на него, столь бледная и пораженная ужасом, будто вот-вот лишится чувств.

— Господь милосердный, спаси и сохрани нас от всяческого зла! — пробормотала она наконец.

— Что же вас так напугало? — спросила я, начиная подозревать, что она видела больше, чем я. — Уж не больны ли вы, бедняжка?

— Нет-нет, миледи, — ответила она, встав со стула. — Прошу у вашей светлости прощения за дерзость. Да убережет нас Господь от всяческих несчастий!

— Марта, — решительным тоном произнесла я, — что-то чрезвычайно вас напугало, и я настаиваю, чтобы вы открыли мне, что именно. Если вы попытаетесь утаить это, вы только меня встревожите, и я не успокоюсь, пока не выясню, в чем дело. Поэтому я требую, чтобы вы сказали мне, что вас так взволновало, — я приказываю вам.

— Миледи, вы сказали, что черная завеса упала, закрыв дверной проем, когда вы хотели войти в комнату.

— В самом деле, так все и было, — подтвердила я. — Однако я не понимаю, что в этом, пусть даже странном происшествии могло так напугать и встревожить вас.

— Не к добру вы увидели это, миледи, — пробормотала старуха. — Черная завеса предвещает что-то ужасное. Это знак, миледи, зловещий, недобрый знак: быть беде...

— Объясните, моя милая, объясните же, что вы имеете в виду, — умоляла я, невольно заражаясь ее безотчетным ужасом.

— Всякий раз, перед тем как в семействе Гленфаллен суждено случиться несчастью, один из рода или кто-то из домочадцев видит черный платок или завесу, колышущуюся или падающую прямо у него перед глазами. Я сама ее видела, — продолжала она, понизив голос, — маленькой девочкой, и никогда этого не забуду. Я и прежде о ней слышала, но видеть ее мне ни до того, ни после не доводилось, хвала Создателю. А в тот раз, утром, я шла в спальню леди Джейн, готовясь разбудить ее светлость. Как сейчас помню, только я раздвинула полог, и у меня перед глазами точно что-то темное пролетело, и длилось это

всего секунду, не больше, но, приглядевшись, я поняла, что леди Джейн мертва и тело ее уже остыло, храни нас Господь! Потому, миледи, не судите меня строго, если меня так испугал ваш рассказ, — я о черной пелене много раз слышала, хотя своими глазами видела лишь однажды.

От природы я несуетерна, однако, несмотря на усилия воли, меня охватил трепет, весьма напоминающий ужас, о котором без всякой утайки поведала служанка, а вспомнив о моем положении, об одиночестве в уединенном, старом, мрачном замке, вы признаете, что подобная слабость хотя бы отчасти была оправданна.

Однако вопреки зловещим предсказаниям Марты дни шли за днями, совершенно безмятежно, не принося никаких бедствий и несчастий. Впрочем, здесь необходимо упомянуть об одном происшествии, вполне ничтожном, но способном пролить свет на дальнейшие события.

На следующий день после нашего приезда в имение лорд Гленфаллен, конечно, захотел показать мне дом и поместье, и мы отправились осматривать Кэргиллах-Корт. На обратном пути он вдруг сделался непривычно молчалив и угрюм, чем немало меня удивил.

Тщетно пыталась я развеселить его, делясь с ним своими замечаниями и осыпая его вопросами. Наконец, когда мы подходили к дому, он пробормотал, словно обращаясь к самому себе: «Нет, это было бы безумие, истинное безумие, — с горечью повторив несколько раз это слово, — верная, скорая гибель».

Потом он надолго замолчал и вдруг, обернувшись ко мне, тоном, совершенно не похожим на тот, каким он до сих пор ко мне обращался, произнес:

— Способна ли, по-вашему, женщина хранить тайну?

— Думаю, болтливость женщин чрезвычайно преувеличивают... Поэтому я отвечаю на ваш вопрос с той же прямоотой, с какой вы его задали, — да, женщины и вправду умеют хранить тайну.

— А я уверен в обратном, — сухо ответил он.

Какое-то время мы шли молча. Я была весьма удивлена его непривычной резкостью, если не сказать грубостью.

Спустя несколько минут он спохватился и с деланой веселостью добавил:

— Ну что ж, достойно уважения умение хранить тайну, но почти столь же почтенно умение не любопытствовать. Болтливость обычно сопровождает любопытство. Для начала я подвергну вас испытанию и выведаю, на что вас способно подвигнуть любопытство. Я притворюсь Синей Бородой, — тьфу, что это за шуточный тон я взял? Послушайте меня, дорогая Фанни, сейчас я говорю со всей возможной серьезностью. От того, выполните ли вы мои указания, зависит ваше благополучие и ваша честь, да и моя тоже, и вам нетрудно будет мне повиноваться. Я вынужден несколько ограничить вашу свободу, пока мы живем в Кэргиллах-Корте, а мы вскоре отсюда уедем, поскольку этого требуют некие события, произошедшие после нашего приезда. Вы должны пообещать мне, поклявшись честью, никогда не входить в дом с черного хода, не бывать в комнатах, непосредственно к нему примыкающих, и предоставить их лакеям, ограничив свое пребывание в доме комнатами, куда можно попасть только через парадный вход. Я требую также, чтобы вы никогда не пытались проникнуть в тот маленький садик, обнесенный высокими стенами. Не вздумайте проскользнуть туда или даже просто заглянуть; не пытайтесь открыть дверь, что ведет в коридор, разделяющий парадную и заднюю половины дома. Это не шутка и не причуда; я совершенно убежден в том, что, не последовав моим предписаниям, вы подвергнете себя и меня опасности и обречете нас на самую злую участь. Я не властен посвятить вас в какие-либо подробности. Обещайте же поступить, как я приказываю, если уповаете на мир в этой жизни и милосердие Господне в будущей.

Я поклялась, как он требовал, и он принял мою клятву с явным облегчением. К нему вернулась прежняя веселость и легкость характера, но меня еще долго терзало воспоминание о странной сцене, которую я только что описала.

Прошло более месяца без всяких достопамятных событий, но мне не суждено было

покинуть Кэргиллах, не пережив приключений. Однажды, решив ясным, солнечным днем побродить по ближайшему лесу, я вбежала к себе за мантильей и шляпой. Войдя в комнату, я, к своему немалому удивлению и испугу, обнаружила, что в ней кто-то есть. У камина, почти напротив двери, в большом старинном кресле сидела незнакомая дама. На вид ей было не менее сорока пяти лет, одета она была, как подобает ее возрасту, в изящный шелковый костюм с цветочным узором, шею и запястья украшало множество дорогих ожерелий и брелоков, пальцы унизывали перстни. Однако наряд, при всей его пышности, не казался кричащим или вульгарным. Впрочем, самой заметной деталью ее облика были не черты, красивые и не лишенные приятности, а глаза, зрачки которых затягивала белая пленка катаракты, — дама явно была совершенно слепа. Меня столь поразило ее непонятное, едва ли не призрачное явление, что я на несколько секунд лишилась дара речи.

— Мадам, — наконец произнесла я, — здесь какая-то ошибка, это моя спальня.

— Вот еще что придумала! — оборвала меня незнакомка. — Твоя спальня! Где лорд Гленфаллен?

— Он внизу, мадам, — ответила я, — и полагаю, будет чрезвычайно удивлен, обнаружив вас здесь.

— Быть такого не может, — откликнулась она. — Изволь молчать о том, чего не знаешь. Пригласи его сюда. Да поживее, дерзкая девчонка!

Строгая дама внушала мне страх, однако в ее голосе звучали такие нотки надменности и превосходства, что, вспомнив о своем высоком титуле, я поневоле стала испытывать раздражение.

— Знаете ли вы, мадам, с кем говорите? — спросила я.

— Не знаю и знать не хочу, — тотчас ответила она, — но полагаю, с одной из горничных. Поэтому я повторяю: немедленно позови сюда лорда Гленфаллена, а не то лишишься места.

— В таком случае должна сообщить вам, мадам, что я леди Гленфаллен, — сказала я.

— Лжешь, мерзавка! — вскричала она так, что я невольно отпрянула, но она, метнувшись ко мне, в ярости схватила меня за плечи и принялась трясти, безостановочно приговаривая: «Ты лжешь, лжешь!» — с искаженным от бешенства и злобы лицом. Внезапность, с которой она на меня накинулась, и явно охвативший ее гнев привели меня в ужас, и я, вырвавшись, громко позвала на помощь. В бессильной ярости потрясая сжатыми кулаками, слепая продолжала осыпать меня бранью, пока на устах у нее не выступила пена. Наконец, услышав шаги лорда Гленфаллена, взбегавшего по лестнице, я бросилась прочь из спальни. Пробегая мимо него, я заметила, что он бледен как полотно, и успела расслышать обращенные ко мне слова:

— Надеюсь, этот демон не причинил вам вреда?

Я нашла в себе силы ответить, уж и не помню как; он вбежал в комнату и тотчас запер дверь изнутри. Не имею представления о том, что там произошло, но слышала ожесточенные громкие препирательства.

Мне почудилось, будто до меня донесся женский голос:

— Пусть только мне попадетя!

Впрочем, я не уверена, хорошо ли я расслышала. Однако моему воспаленному воображению эта короткая фраза показалась чрезвычайно зловещей и угрожающей.

Буря в конце концов стихла, хотя до того и продолжалась не менее двух часов. Вернулся лорд Гленфаллен, побледневший и взволнованный.

— Эта несчастная, — сказал он, — лишилась рассудка. Полагаю, она в приступе безумия накинулась на вас с какими-то неистовыми, бессвязными речами. Но вам нечего более опасаться: мне пока удалось привести ее в чувство. Надеюсь, она вас не ранила?

— Нет, — ответила я, — но несказанно напугала.

— Что ж, в будущем она вам досаждать не станет, и, ручаюсь, ни вы, ни она после всего, что произошло между вами, более не станете искать встречи.

Это происшествие, столь неожиданное, неприятное и таинственное, вызвавшее

множество мучительных догадок, дало мне пищу для самых тягостных размышлений.

Все мои попытки как-то узнать правду были тщетны: лорд Гленфаллен упорно избегал говорить об этом странном случае, ничего не объяснял мне и наконец не допускающим возражений тоном приказал впредь не упоминать о нем в его присутствии. Поэтому мне ничего не оставалось, кроме как довольствоваться тем, что я видела собственными глазами, и уповать на то, что время рано или поздно даст ответ на вопросы, терзавшие меня с того достопамятного дня.

Постепенно нрав и расположение духа лорда Гленфаллена изменились самым печальным образом; он сделался молчалив и рассеян и стал обходиться со мною резко и даже грубо. Казалось, его снедает какая-то мучительная тревога, гнетет уныние, лишаящее его привычной бодрости.

Вскоре я осознала, что вся его прежняя веселость — лишь маска, которую он неизменно носил в свете, а вовсе не следствие душевного здоровья и природной бодрости. День за днем я убеждалась, что добродушие и легкость нрава, которыми я в нем восхищалась, были немногим более чем притворство, и, к моему неописуемому огорчению, любезный, веселый и открытый аристократ, на протяжении многих месяцев добивавшийся моего внимания и осыпавший меня комплиментами, внезапно превратился в мрачного, унылого и чрезвычайно эгоистичного человека. Я долго скрывала от самой себя эту печальную истину, однако в конце концов не могла более обманываться и призналась себе, что муж более меня не любит и даже не стремится утаить свое охлаждение.

Однажды утром, после завтрака, лорд Гленфаллен некоторое время ходил по комнате, погруженный в какие-то мрачные размышления. Неожиданно он остановился и, обернувшись ко мне, воскликнул:

— Да-да, как же я раньше не догадался! Мы должны уехать за границу и жить на континенте, а если и это не поможет, попробовать более действенное средство. Леди Гленфаллен, мои дела весьма и весьма запутанны. Вы знаете, что жене надлежит делить участь мужа в горе и в радости, но если вы предпочтете остаться здесь, в Кэргиллахе, я не буду возражать. Мне только не хотелось бы, чтобы вы появлялись в обществе без надлежащей пышности и великолепия, подобающего вашему титулу; кроме того, это разобьет сердце вашей бедной матери, — прибавил он с мрачной усмешкой. — А потому выбирайте — Кэргиллах или Франция. Я намерен уехать через неделю, если успею завершить все приготовления, поэтому за это время вам предстоит принять решение.

Затем он вышел из комнаты, и спустя несколько минут я увидела, как он проскакал мимо окна в сопровождении верхового слуги. Тотчас лакей передал мне, что его светлость вернется только завтра.

Меня одолевали сомнения, как поступить и стоит ли уехать на континент, приняв его неожиданное предложение. Я отдавала себе отчет в том, что, согласившись, я бы подвергла себя слишком большому риску. Ведь в Кэргиллахе меня поддерживало сознание того, что, столкнувшись с насилием или недостойным поведением супруга, я всегда могла рассчитывать на поддержку своей семьи, тогда как, оказавшись во Франции, я принуждена буду прервать с нею всякие отношения и буду предоставлена своему мрачному жребию.

Остаться в одиночестве в Кэргиллахе, где я, возможно, подвергнусь таинственным опасностям, казалось мне, пожалуй, более разумным, чем уехать на континент. Однако меня охватывал какой-то смутный страх оттого, что этот выбор мне навязывали, заставляя принять одну из возможностей, если я не хочу окончательного разрыва с лордом Гленфалленом. Не в силах побороть эти сомнения и грустные мысли, я наконец заснула.

Несколько часов я проспала беспокойным сном, как вдруг кто-то разбудил меня, грубо тряся за плечо. На моем ночном столике горела маленькая лампа, и при ее свете, к своему несказанному удивлению и ужасу, я узнала слепую, что так напугала меня несколько недель тому назад.

Я вскочила, отчаянно пытаюсь дотянуться до колокольчика и позвонить слугам, однако слепая проворно схватила меня за руку и проговорила:

— Не бойся, глупая! Если бы я хотела причинить тебе вред, я сделала бы это, пока ты спишь. Уж верно, будить тебя я бы не стала. Слушай меня внимательно и не бойся: я намерена сообщить тебе нечто важное, касающееся тебя столь же, сколь и меня. Ответь мне как перед Господом: лорд Гленфаллен обвенчался — и вправду обвенчался с тобою? Говори правду, не лги!

— Клянусь жизнью, что лорд Гленфаллен действительно обвенчался со мною в присутствии более ста свидетелей.

— Что ж, — отвечала она, — в таком случае до венчания ему следовало бы сказать тебе, что он женат и что я — его законная жена. Да ты дрожишь! Хватит, нечего бояться. Я не собираюсь причинять тебе вред. Лучше послушай меня хорошенько: ты ему не жена. Когда я разглашу правду, ты перестанешь быть его женой перед Богом и людьми. К завтрашнему дню ты должна покинуть этот дом. Объяви перед всем миром, что у твоего мужа есть другая жена, схорони себя навеки в монастыре и предай его правосудию — пусть оно свершится над ним, как он того заслужил. Если удержишься в этом доме хоть на день, пожнешь горькие плоды своего греха.

С этими словами она вышла из спальни, и я осталась в одиночестве, забыв о сне.

Ее полубезумные речи дали пищу моим худшим, страшным опасениям, однако я по-прежнему испытывала какие-то сомнения. У меня не было доказательств, что слепая сказала правду.

Конечно, я могла бы уговорить себя, что все это бред, порожденный больным сознанием. Однако я невольно вспомнила о чрезмерной таинственности, которая отличала поведение лорда Гленфаллена, о том, как настойчиво он воспрещал мне доступ в задние комнаты дома, без сомнения, для того, чтобы я не столкнулась со слепой, о том, сколь сильное влияние и даже власть имела над ним слепая — недаром она продолжала жить там, где он менее всего хотел ее видеть... Да и поступала она вопреки его желаниям, нарушая его указания. Сопоставив ее признание с этими обстоятельствами, я невольно почувствовала, что в ее утверждениях, сколь бы безумными они ни казались, было какое-то пугающее правдоподобие.

И все же я не в силах была смириться с неизбежным. Не имея безусловных доказательств, молодому человеку трудно, почти невозможно свыкнуться с мыслью о том, что его обманул кто-то, вызывавший его безграничное доверие. К тому же мои сомнения рассеялись, стоило мне вспомнить, как лорд Гленфаллен уверял меня в том, что слепая безумна, а ее поведение не могло убедить меня в обратном. Таким образом, я уверилась, что слушала бред умалишенной, и забыла свои прежние опасения.

Я решила, ничего не скрывая, в точности передать лорду Гленфаллену содержание ночного разговора и по его словам и тону либо убедиться в справедливости своих подозрений, либо отринуть их окончательно. В таких размышлениях провела я остаток ночи, не сомкнув глаз, и каждое мгновение мне мнилось, будто я вижу тень моей страшной гостьи или слышу ее шаги, и меня охватывал ни с чем не сравнимый ужас.

На лице слепой, хотя черты ее некогда явно были красивы и на первый взгляд казались не лишенными приятности, лежала печать порочных страстей, имевших над нею полную власть. По временам они искажались почти безграничной животной яростью, какую я не в силах была вообразить ни в одном разумном существе, а когда она начинала судорожно выкатывать незрячие глаза, то ее и в самом деле можно было принять за демона.

Нетрудно представить себе чувства, которые я испытывала при мысли, что, если ей взбредет в голову вернуться, я окажусь беззащитна перед ее буйством, а возможно, и безумием. Ведь всего несколько часов тому назад слепая угрожала мне, и хотя ее слова сами по себе не так уж пугали, мои записки не доносят до читателя тех устрашающих гримас и тех угрожающих жестов, с которыми они были произнесены.

Поверите ли вы мне, если я признаюсь, что не могла заставить себя подняться с постели, чтобы запереть дверь, ибо всюду мне мерещилась ее зловещая тень — вот она притаилась в темном углу, вот выглядывает из-за оконного занавеса, — я была еще сущим

ребенком.

Наступило утро, а утром вернулся лорд Гленфаллен. Я не знала, да и не хотела знать, где он пробыл весь прошлый день, я целиком была поглощена страхами и подозрениями, с новой силой овладевшими мной прошлой ночью. Как обычно, он пребывал в мрачном настроении, был погружен в свои мысли и, как я опасалась, едва ли был способен терпеливо выслушать то, что я намеревалась ему сообщить, безразлично, справедливы или нет были обвинения в двоеженстве.

Однако я решила не упускать этой возможности, пока лорд Гленфаллен оставался со мной в комнате, и наконец, собравшись с духом, изложила суть своих опасений.

— Милорд, — проговорила я после долгого молчания, призвав все свое мужество, — милорд, я хотела бы сказать вам несколько слов о деле чрезвычайно важном, касающемся нас обоих.

Я не сводила с него глаз, пытаюсь понять, насколько взволновала его моя речь, однако его лицо оставалось непроницаемым.

— Что ж, моя дорогая, — сказал он, — это весьма мрачное начало, и оно, без сомнения, не предвещает ничего хорошего. Прошу вас, без обиняков переходите к делу.

Он взял стул и сел почти напротив меня.

— Милорд, прошлой ночью я снова видела ту, что так напугала меня совсем недавно, — я видела слепую.

Я по-прежнему пристально глядела ему в лицо и заметила, как он побледнел. Помедлив минуту, он откликнулся:

— Неужели вы, мадам, совершенно забыли о моих ясных и точных приказаниях или пренебрегли ими и позволили себе войти в ту часть дома, доступ в которую я вам запретил? Отвечайте мне немедленно! — в ярости добавил он.

— Милорд, — ответила я, — я не забыла о ваших приказаниях, если так вам угодно их именовать, и беспрекословно подчинялась им. Прошлой ночью я спала у себя в комнате, как вдруг меня разбудила дама, о которой я уже упоминала. Она сама заговорила со мной. Как она пробралась ко мне в спальню, не имею представления.

— О, надо об этом позаботиться, — задумчиво произнес он, словно размышляя вслух. — Пожалуйста, сообщите мне, — поспешно добавил он, — что она вам сказала? Ведь то, что вы намерены мне открыть, несомненно, как-то связано с ее появлением.

— Ваша милость не ошиблись, — подтвердила я. — Она сделала столь странное и необычайное признание, что я не вправе утаить его от вас. Она сказала мне, милорд, что, когда вы обвенчались со мною, вы уже были женаты — женаты на ней.

Лицо лорда Гленфаллена залила пепельная, едва ли не смертельная бледность. Он попытался было что-то сказать, но тщетно, голос ему не повиновался, и, внезапно отвернувшись от меня, он отошел к окну. Ужас и смятение, овладевшие Аэндорской волшебницей³, когда ее заклинания неожиданно вызвали тень мертвеца, — ничто в сравнении с чувствами, охватившими меня, когда мой супруг при мне почти признал свою вину, которую я до сих пор пыталась отрицать.

Несколько мгновений мы молчали, и трудно сказать, кто из нас страдал больше — я или лорд Гленфаллен.

Но к лорду Гленфаллену быстро вернулось самообладание. Он снова подошел к столу, сел и произнес:

— То, что вы поведали, столь поразило меня, вы предъявили мне столь беспочвенное обвинение, хотя от вас я никак не ожидал неблагодарности и предательства, что ваше откровение на время лишило меня дара речи. Дама, о которой вы говорили, все же имеет оправдание, ибо она безумна, как я уже упоминал раньше. Вам следовало бы вспомнить об

³ Аэндорская волшебница, согласно библейскому преданию, вызвала по просьбе царя Саула дух пророка Самуила (1 Цар. 28).

этом, прежде чем вы заручитесь неопровержимыми доказательствами моего бесчестия из уст буйнопомешанной. Повторяю, я говорю с вами об этом в последний раз, и клянусь всевидящим Господом, перед судом коего предстану, и упованием на милосердие в судный день, что сие обвинение есть клевета, необоснованная и нелепая. Я готов бросить вызов любому, кто осмелится запятнать мою честь. А поскольку я никогда не судил о вашем характере и нравственности, руководствуясь мнением безумцев, то, полагая, вправе рассчитывать на то, что вы проявите подобную же чуткость ко мне и никогда более не посмеете повторять в моем присутствии ваши оскорбительные подозрения или грубую и постыдную клевету глупцов. Я тотчас же сообщу достойной даме, измыслившей весьма оригинальную небылицу, что я об этом думаю. До свидания.

С этими словами он вышел из комнаты, а я вновь осталась наедине со своими сомнениями, терзаемая самыми мучительными, тягостными подозрениями.

У меня появились основания думать, что лорд Гленфаллен дал волю своему гневу, яростно обрушив на безумную слепую не только упреки и оскорбления, ибо старая Марта, очень меня полюбившая, прислуживая мне в спальне, сказала, что боится, вдруг господин жестоко обошелся с бедной слепой голландкой. Марта уверяла, что слышала такие отчаянные, пронзительные крики, словно душа ее расстается с телом, но попросила не выдавать ее и в особенности не упоминать об этом в присутствии господина.

— Откуда вам известно, что она голландка? — торопливо осведомилась я, поскольку горела желанием узнать хоть что-нибудь, проливающее свет на таинственную историю слепой, судя по всему, решившей во что бы то ни стало разрушить мой брак.

— Потому, миледи, — ответила Марта, — что господин частенько бранит ее голландской ведьмой и поносит по-другому, так что мне и сказать-то перед вами стыдно. Но я точно знаю, что она не англичанка и не ирландка, ведь между собой они говорят на какой-то странной тарабарщине, и быстро, не уследить. Впрочем, миледи, мне о ней и упоминать заказано, а не то, мол, откажут от места. Хотя теперь, когда вы и сами ее видели, в этом, думаю, греха нет.

— И давно эта дама здесь живет? — продолжала расспрашивать я.

— Она появилась на следующее же утро после вашего приезда, еще засветло, — сказала Марта. — Но молю вас, не задавайте мне более вопросов, а не то хозяин живо выбросит меня на улицу за то, что осмелилась о ней говорить, тем более с вами, миледи.

Я не стала дольше терзать бедную старушку расспросами, понимая, как не хочется ей об этом говорить.

Нетрудно поверить, что, поскольку я располагала лишь весьма сомнительными сведениями, поскольку мой муж принес торжественную клятву, опровергая возводимые на него обвинения, и поскольку я едва могла доверять своей осведомительнице, я не в силах была предпринять никаких серьезных мер. И хотя странная женщина, дважды вторгавшаяся непостижимым образом в мою спальню, и внушала мне определенные опасения, она, даже в моих глазах, не представляла собой настолько серьезной угрозы, чтобы заставить меня уехать из Кэргиллах-Корта.

Спустя несколько дней после описанной мною сцены лорд Гленфаллен, по своему обыкновению, рано удалился в свой кабинет, предоставив мне развлекаться в гостиной, как мне заблагорассудится.

Неудивительно, что я снова и снова мысленно возвращалась к событиям, невольной участницей которых стала.

Предмет моих размышлений, мое одиночество, тишина, поздний час и подавленное состояние духа, в котором я часто пребывала в последнее время, вызвали то нервное возбуждение, что целиком отдает нас во власть воображению.

Чтобы хоть как-то успокоиться, я попыталась направить свои мысли в более приятное русло и тут услышала — или мне только почудилось? — как совсем рядом странный, полунасмешливый голос произнес: «Миледи, у вас на шее кровь».

Иллюзия была настолько полной, что я вскочила и невольно схватилась за горло.

Я обернулась, чтобы разглядеть того, кто произнес эти загадочные слова, но тщетно — за моей спиной никого не было.

Я направилась к выходу и выглянула в коридор, едва не лишившись чувств при мысли, что там могло притаиться какое-то страшное бесформенное существо и сейчас оно набросится на меня.

Наконец, убедившись, что в коридоре пусто, я громко произнесла, чтобы вернуть себе самообладание:

— В последнее время я изводила себя, мои нервы не выдерживают напряжения.

Я позвонила и, когда на мой зов явилась старая Марта, отправилась к себе в спальню.

Пока служанка, как обычно, ставила на ночной столик лампу — я привыкла не тушить лампу всю ночь, — я раздевалась перед большим зеркалом, высотой не менее шести футов, занимавшим значительную часть стены, на которой оно крепилось. Это зеркало заменяло целую панель в обшивке стены напротив моей постели.

Я не простояла у зеркала и мгновения, как вдруг зеркало скрыло от меня какое-то подобие черной гробовой пелены.

— О боже, — в ужасе вскричала я, — я снова ее видела, Марта, это она, черная завеса!

— Господь да смилуетя над нами, — пробормотала Марта, затрепетав и дрожащей рукой творя крестное знамение. — Не иначе как нагрянет какое-то несчастье.

— Нет-нет, Марта! — прервала ее я, тотчас собравшись с духом, ибо хотя я и была нервна от природы, но не суеверна. — Я не верю в зловещие предзнаменования. Вы же знаете, что я и прежде видела эту черную пелену, но ничего скверного тогда не случилось.

— На следующее утро приехала голландка, — возразила она.

— Едва ли ее появление заслуживало столь жуткого предостережения судьбы, — ответила я.

— Странная она, миледи, — сказала Марта, — и она еще не уехала, не забывайте.

— Что ж, Марта, — откликнулась я, — я недостаточно хитроумна, чтобы изменить ваши взгляды, и не склонна менять свои собственные, а потому и говорить об этом не будем. Спокойной ночи.

Тут Марта вышла, а я осталась наедине со своими размышлениями.

Протомившись почти час без сна, я наконец забылась какой-то дремотой, но мое воображение по-прежнему без устали порождало необычайные галлюцинации, поскольку от беспокойного сна меня пробудил голос, который произнес у меня над ухом: «Миледи, у вас на шее кровь».

Вслед за этими словами тотчас раздался взрыв смеха.

Дрожа от ужаса, я проснулась и услышала, как в комнату вошел мой муж. Даже это было мне облегчением.

Однако как ни испугало меня мое разыгравшееся воображение, я все же сочла за лучшее притвориться спящей, промолчать и не пытаться вовлечь в разговор мужа, так как вполне могла вообразить его настроение и догадывалась, что он меня ничем не утешит.

Лорд Гленфаллен отправился в свою гардеробную, располагавшуюся справа от постели. Дверь за собою он не закрыл, я хорошо могла разглядеть его на диване и вскоре по его глубокому и ровному дыханию поняла, что он заснул.

Когда сон не приходит к нам, мы склонны испытывать немалое, хотя и не объяснимое рационально раздражение, осознавая, что кто-то рядом с нами наслаждается благом, в котором нам отказано. По крайней мере, я всегда ощущала в часы бессонницы подобную зависть, и с особенной силой — в ту ночь.

Множество тревожных образов осаждали мое возбужденное сознание, всякий, даже давно знакомый предмет, на который падал мой взгляд, принимал странный, призрачный облик. Колеблющиеся тени, отбрасываемые мерцающим светом лампы, словно превращались в причудливых, сверхъестественных существ, и стоило мне взглянуть на спящего мужа, как начинало чудиться, будто его черты до неузнаваемости искажают демонические, поистине ужасные судороги.

Старинные часы равнодушно отбивали время, и с каждой минутой, если такое вообще возможно, мне все менее хотелось спать.

Стрелки часов приблизились к четырем, когда мой без усталости блуждающий взгляд случайно упал на большое зеркало, закрепленное в обшивке стены, как я уже упоминала, прямо напротив изножья постели. Я прекрасно могла разглядеть его сквозь щель между занавесками полога. Пристально смотря в зеркало, я заметила, как его гладкая поверхность медленно смещается. Я не шевелилась и не сводила с него глаз: сомнений не было, зеркало, точно само собой, медленно сдвинулось, открыв в стене проем шириной с обычную дверь, и в этом темном проеме показалась какая-то фигура, которую мне не удалось рассмотреть в неверном свете лампы.

Таинственный и зловещий гость осторожно перешагнул порог, настолько бесшумно, что если бы я не видела его своими глазами, то не заметила бы, как он проник в комнату. Привидение окутывало некое подобие шерстяной ночной рубашки, а голову его охватывал туго повязанный белый платок. Однако, несмотря на этот странный наряд, я с легкостью узнала в нем слепую, внушавшую мне такой ужас.

Склонившись почти до земли, она на несколько мгновений замерла, безусловно пытаясь расслышать, нет ли каких подозрительных звуков.

Явно удовлетворенная своими наблюдениями, она снова стала бесшумно пробираться к туалетному столику моего мужа — тяжелому столику красного дерева. На ощупь добравшись до столика, она снова замерла, внимательно вслушиваясь в тишину, а затем бесшумно выдвинула один из ящиков, некоторое время рылась в нем и наконец вытащила несесер с бритвами. Она открыла его и, проверив на тыльной стороне ладони, остры ли бритвы, быстро выбрала одну и крепко сжала ее в руке. Она снова склонилась почти до земли, снова прислушалась и, свободной рукой ощупывая попадавшиеся ей предметы, стала пробираться в гардеробную, где спал глубоким сном лорд Гленфаллен.

Меня словно сковали какие-то дьявольские, невыносимо страшные чары. Я не в силах была и пальцем пошевелить, не в силах была позвать на помощь, не в силах была даже дышать и, хотя я понимала, что слепая в любую минуту может убить спящего, не могла закрыть глаза, чтобы не стать свидетельницей ужасного деяния, которое я не властна была предотвратить.

Я увидела, как слепая приближается к спящему, как осторожно проводит свободной рукой по его одежде, чтобы удостовериться, кто перед ней, и как спустя несколько мгновений поворачивается и снова идет ко мне в спальню; здесь она снова остановилась и прислушалась.

У меня более не осталось сомнений, что бритва предназначена для моего горла, однако колдовские чары, лишившие меня способности сопротивляться, по-прежнему подчиняли себе мою волю.

Я чувствовала, что моя жизнь зависит от простейшего физического усилия, но не могла даже пошевелиться или позвать на помощь лорда Гленфаллена.

Большими неслышными шагами убийца уже приблизилась к моей постели. Сердце мое, казалось, застыло, как льдинка.левой, свободной рукой она нащупала подушку, вот ее рука уже медленно скользнула к моей голове, в одно мгновение с быстротой молнии вцепилась мне в волосы, а правой рукой она полоснула меня по горлу.

Слепая чуть-чуть не рассчитала удар, и это спасло меня от неминуемой смерти. Удар пришелся по подушке, и лезвие лишь слегка оцарапало мне шею. В тот же миг, сама не зная как, я очутилась по другую сторону постели и пронзительно закричала, призывая на помощь, однако злодейка твердо решила довести свой замысел до конца.

Хватаясь за полог, она в один миг обошла постель и бросилась ко мне. Я дернула за дверную ручку в надежде вырваться в коридор, но дверь оказалась заперта. Никакими усилиями я не сумела бы ее открыть. Отпрянув в ужасе, я забилась в угол. Теперь нас разделяло расстояние вытянутой руки. Ее пальцы касались моего лица.

Я уже зажмурила глаза, более не надеясь открыть их, но тут чудовище без чувств

рухнуло к моим ногам, сраженное нанесенным сзади сильным ударом. В тот же миг отворилась дверь, и в спальню бросились слуги, привлеченные моими криками.

Что произошло дальше, я не помню, так как потеряла сознание. Один обморок сменялся другим, столь долгим и мучительным, что врачи опасались за мою жизнь.

Однако примерно в десять часов поутру я забылась сном, глубоким и живительным, и спала, пока около двух часов меня не разбудили, чтобы я под присягой дала показания судье, назначенному заниматься этим делом.

И я, и лорд Гленфаллен, как полагается, дали показания, и теперь слепой суждено было предстать перед судом.

Никогда не забуду, как проходил допрос обвиняемой и свидетелей.

Ее привели в зал суда в сопровождении двух конвойных. На ней была та же фланелевая ночная рубашка, что и прошлой ночью, разорванная и запачканная, а кое-где запятнанная кровью из глубокой раны на голове. Белую косынку она потеряла в потасовке, и ее длинные, спутанные, тронутые сединой волосы в беспорядке падали на мертвенно-бледное, безумное лицо.

Однако она держалась совершенно невозмутимо и хладнокровно, выразив лишь сожаление, что не сумела осуществить свое намерение, которое вовсе не пыталась скрыть.

Когда судья потребовал, чтобы она назвала свое имя, она произнесла:

— Графиня Гленфаллен! — и отказалась именовать себя иначе.

— Эту женщину зовут Флора ван Кемп, — объявил лорд Гленфаллен.

— Да-да, меня и вправду так когда-то звали! — вскричала слепая и тотчас же разразилась яростным потоком слов на непонятном языке.

— Есть в зале судья? — продолжала она. — Я жена лорда Гленфаллена, я докажу это, — запишите мои слова! Пусть меня повесят или сожгут заживо, я согласна, лишь бы он получил по заслугам. Я и в самом деле пыталась убить эту девчонку, но это он подговорил меня ее убить; две жены — это многовато, или я ее убью, или она меня отправит на виселицу. Послушайте, что я вам скажу!

Тут ее перебил лорд Гленфаллен.

— Думаю, ваша честь, — сказал он, обращаясь к судье, — что лучше нам перейти к делу и не тратить время на безумные обвинения, выдвигаемые против меня этой несчастной. Если она отказывается отвечать на ваши вопросы, почему бы вам не выслушать мои показания?

— Неужели ты готов лжесвидетельствовать под присягой, чтобы меня погубить, подлый убийца? — пронзительно вскричала слепая. — Сэр, сэр, сэр, — повторяла она, как одержимая, обращаясь к судье, — я могу изобличить его! Это он приказал мне убить девчонку, а когда понял, что мне не удалось это сделать, напал на меня со спины и оглушил, а теперь намерен лжесвидетельствовать против меня под присягой и погубить! Записывайте все, что я скажу!

— Если в ваши намерения входит признаться в преступлении, в совершении которого вас обвиняют, вы имеете право, предоставив веские доказательства, обвинять кого считаете нужным.

— Доказательства? Нет у меня доказательств, кроме собственной персоны! — возразила слепая. — Я клянусь, что говорю правду, я во всем сознаюсь, запишите мои показания, — на виселице нас так и вздернут бок о бок, мой храбрый лорд, и все это твоих рук дело, муженек!

Она произнесла эту тираду и рассмеялась низким, глумливым, издевательским смехом, и слышать такой смех из уст приговариваемой к смерти было поистине страшно.

— Сейчас я не намерен выслушивать ничего, кроме точных ответов на мои вопросы, касающиеся этого дела, — прервал ее судья.

— Что ж, тогда вы ничего не услышите, — угрюмо возразила она, и ни уговоры, ни угрозы более не могли заставить ее заговорить.

Затем под присягой дали показания лорд Гленфаллен, я и слуги, вбежавшие в комнату,

когда я позвала на помощь.

Потом судья провозгласил, что обвиняемую ожидает предварительное заключение и что из зала суда ее препроводят непосредственно в тюрьму, куда она и была доставлена в карете лорда Гленфаллена, поскольку его светлость отнюдь не мог равнодушно смотреть на то, как жадно ловит толпа зевак безумные и яростные обвинения слепой в его адрес. Бог знает, что мог вообразить любой случайный прохожий между Кэргиллах-Кортом и местом ее заключения, услышав, как она порочит одно из самых громких имен в Ирландии.

Все время, прошедшее между взятием слепой под стражу и слушанием дела, лорд Гленфаллен невыносимо страдал, терзаемый мрачными видениями. Он почти не спал, а если ему и удавалось заснуть, то сновидения оказывались для него источником кошмаров и новых мук. Просыпаясь же, он ощущал, что обрекает себя на пытку еще более ужасную, чем кошмарные образы беспокойного сна, если такое вообще было возможно.

Лорд Гленфаллен обыкновенно отдыхал, если лежать неподвижно означает отдыхать, в своей гардеробной, и потому я, значительно чаще, чем мне того хотелось, замечала, какие страшные муки совести он испытывал. Его страдания часто заканчивались вспышками безумия, предвещавшими скорое беспамятство и окончательную утрату рассудка. Он то вдруг принимался повторять, что хочет бежать из страны, забрав с собою всех свидетелей ужасной сцены, на которой зиждилось обвинение, то начинал горько сетовать на то, что нанесенный им удар не пресек жизнь слепой.

Однако в назначенный день собрались присяжные, и мы с лордом Гленфалленом были приглашены в суд для дачи показаний.

Судья огласил суть дела, и на отделенную барьером скамью привели обвиняемую.

Процесс вызвал немалое любопытство, и потому зал переполняли зеваки.

Однако преступница, не потрудившись даже выслушать обвинительное заключение, признала свою вину, и сколько суд ни убеждал ее взять назад это заявление, она осталась непреклонна.

После многих тщетных попыток члены суда наконец сдались, предоставив преступницу ее судьбе, и в соответствии с заведенным порядком огласили приговор.

По оглашении приговора надзиратели собрались было увести осужденную, как вдруг она произнесла тихим, но твердым голосом:

— Одно слово, одно только слово, ваша честь! Лорд Гленфаллен в зале?

Когда ей ответили, что да, она повысила голос и громко, угрожающим тоном продолжила:

— Хардресс, граф Гленфаллен, здесь, в зале суда, я обвиняю тебя в двух преступлениях: в том, что ты женился во второй раз, уже будучи женатым, и в том, что ты заставил меня покуситься на убийство, за которое меня казнят. Возьмите его под стражу, наденьте на него кандалы, посадите его на скамью подсудимых!

Общий смех в зале заглушил ее слова, которые судья расценил как клеветнические измышления, приказав осужденной замолчать.

— Так, значит, вы его не арестуете? — спросила она. — Не станете его допрашивать? Просто отпустите его?

Члены суда объявили, что его, разумеется, «отпустят», и после этого снова велели увести осужденную в тюрьму.

Однако, прежде чем конвоиры успели выполнить этот приказ, она воздела руки и издала пронзительный вопль, исполненный нечеловеческой злобы и отчаяния, — под стать душе, осужденной на вечные муки там, где умирает всякая надежда.

Я до сих пор слышу этот крик, спустя месяцы после того, как ее голос умолк навеки.

Несчастную казнили в соответствии с объявленным приговором.

В течение нескольких дней после ее казни лорд Гленфаллен, если это возможно, страдал еще более, чем прежде. Его бессвязные, полубезумные речи, в которых он почти открыто признавал свою вину, вкупе с последними обстоятельствами нашей жизни, столь убедительно свидетельствовали против него, что я решилась написать отцу, умоляя его не

оставлять меня во власти мужа и немедля приехать за мной в Кэргиллах, а потом начать бракоразводный процесс.

В таком положении мое существование сделалось почти невыносимым, и потому, что муж вызывал у меня ужасные подозрения, и потому, что я ясно сознавала: если не оказать ему помощь, и притом как можно скорее, он лишится рассудка. Поэтому я с неописуемым нетерпением ожидала приезда отца или по крайней мере письма, возвещающего о его приезде.

Прошла примерно неделя со дня казни слепой, когда лорд Гленфаллен однажды утром заговорил со мной необычайно веселым тоном:

— Фанни, только теперь в моих силах объяснить вам все, что до сих пор представлялось вам подозрительным или загадочным в моем поведении. Приходите после завтрака ко мне в кабинет, и, надеюсь, я все сумею вам открыть.

Это приглашение доставило мне большую радость, чем все, что я пережила за последние месяцы. Некое таинственное событие совершенно умиротворило больной дух моего мужа, и я вполне верила, что в ходе обещанного объяснения он предстанет передо мною оклеветанной, невинной жертвой.

Исполненная надежд, я в назначенный час направилась к нему в кабинет. Когда я вошла, он увлеченно что-то писал и, мельком взглянув на меня, предложил мне сесть.

Взяв стул, как он указал, я села и стала терпеливо ждать, пока он освободится, а он тем временем заканчивал, складывал, надписывал и запечатывал письмо. Наконец, положив его на стол адресом вниз, он обратился ко мне со следующими словами:

— Моя дорогая Фанни, знаю, что нередко представлялся вам странным, резким и даже грубым. Не пройдет и недели, как я докажу вам необходимость подобного поведения и сумею убедить вас, что не в моей власти было поступить иначе. Я вполне отдаю себе отчет в том, что многие мои поступки давали повод для самых мучительных и тяжких подозрений, которые вы однажды с большим тактом мне открыли. Я получил два письма от самого надежного корреспондента, содержащие сведения, которые помогут мне опровергнуть обвинения в любых преступлениях и убедить в моей невинности даже самого предубежденного недоброжелателя. Сегодня с утренней почтой я ожидал третье письмо, в котором мне обещали прислать документы, неопровержимо свидетельствующие о моей невинности, однако по недосмотру, или просто потому, что слуга не успел вовремя взять его вместе с газетами, или из-за какой-то другой задержки, вопреки моим ожиданиям, его не доставили. Когда вы вошли, я как раз заканчивал послание к этому корреспонденту, и если мне удастся как-то ускорить дело, то не пройдет и двух дней, как нарочный привезет мне ответ. Я с тревогой решал для себя дилемму, что предпочесть — не полностью восстановить в ваших глазах свою честь, предъявив вам первые два письма, или ждать до тех пор, пока я с торжеством не оправдаюсь перед вами всецело. Вполне естественно, что я выбрал второе. Впрочем, в соседней комнате пребывает некое лицо, которое поможет восстановить мое доброе имя, — прошу вас, подождите немного.

С этими словами он встал и вышел из кабинета в смежную маленькую спальню. Он отпер замок, приоткрыл дверь, обращаясь к кому-то внутри, произнес: «Не бойтесь, это я!» — проскользнул в спальню, осторожно закрыл за собой дверь и запер ее изнутри.

До меня тотчас же донеслись обрывки оживленного разговора. Снедаемая любопытством, кому же писал лорд Гленфаллен, я подавила слабые угрызения совести и решила во что бы то ни стало узнать тайну. Письмо по-прежнему лежало там, где мой муж его оставил, адресом вниз. Я перевернула его и прочла адрес.

Несколько мгновений я не могла поверить своим глазам, однако сомнений не было — на конверте крупными буквами красовалось: «Архангелу Гавриилу в небесах».

Я едва успела вернуть письмо на стол и несколько оправиться от потрясения, которое испытала, получив несомненное доказательство безумия лорда Гленфаллена, как дверь спальни отворилась, он снова вошел в кабинет и столь же тщательно закрыл за собою и запер дверь, как и в первый раз.

— Кто же таится у вас в спальне? — спросила я, изо всех сил пытаюсь сохранить самообладание.

— Может быть, вам не захочется ее видеть, по крайней мере некоторое время, — задумчиво произнес он, словно размышляя вслух.

— И кто же это? — повторила я.

— Что ж, — ответил он, — к чему скрывать? Слепая голландка. Я провел с ней все утро. Она так стремится вырваться, но вы же знаете, как странно она себя ведет, мне кажется, ей нельзя доверять.

В это мгновение сильный сквозняк с силой толкнул дверь, словно кто-то изнутри бросился на нее всем телом.

— Ха-ха-ха! Разве не слышите? — с диким хохотом вопрошал лорд Гленфаллен.

Еще раз жалобно взыв, ветер утих, а лорд Гленфаллен, внезапно посерьезнев, пожал плечами и пробормотал:

— Бедняга, с нею поступили скверно.

— Не стоит сейчас докучать ей расспросами, — сказала я как можно более беззаботным тоном, хотя в этот миг была близка к обмороку.

— Гм, может быть, вы и правы, — согласился он. — Что ж, приходите через час-другой или когда вам заблагорассудится — мы будем ждать вас здесь.

Он снова отпер дверь и, войдя в спальню с теми же предосторожностями, что и прежде, снова запер ее изнутри, и я, выбегая из кабинета, снова расслышала обрывки громкой, оживленной беседы.

Не могу и описать охватившие меня чувства: мои надежды воскресли было, чтобы через мгновение рухнуть. Свершилось то, чего я так боялась, — преступника настигло возмездие, лишив рассудка и возможности раскаяться в своих злодеяниях.

Не стану останавливаться подробно на тех часах, что последовали за моим разговором с лордом Гленфалленом, — они оказались настоящей пыткой. Однако мое одиночество нарушила Марта, вошедшая доложить, что прибыл некий джентльмен и желает меня видеть.

Я тотчас спустилась и, к моей великой радости, увидела своего отца, расположившегося в кресле у камина.

Его приезд объяснялся просто: обстоятельства, изложенные мною в письме, затрагивали честь семьи. Я, не теряя времени, сообщила ему о том, какой недуг поразил моего несчастного мужа.

Мой отец предложил приставить к безумцу слугу, чтобы он не причинил вреда себе или окружающим.

Я позвонила и приказала прислать ко мне Эдварда Кука, доверенного слугу лорда Гленфаллена.

Кратко, но недвусмысленно я объяснила ему, какие услуги от него потребуются. В сопровождении Эдварда Кука мы с отцом немедленно направились в кабинет моего мужа. Дверь в маленькую спальню была заперта, а в кабинете все оставалось по-прежнему.

Подойдя к двери в спальню, мы постучали, однако на наш зов никто не откликнулся.

Тогда мы попытались открыть дверь, но тщетно, дверь явно была заперта изнутри. Мы постучали громче, все так же тщетно.

Не на шутку встревожившись, я велела слуге взломать дверь, что он и сделал не без труда, после нескольких попыток, и тогда мы вошли в спальню.

Лорд Гленфаллен лежал на диване вниз лицом.

— Тише! — попросила я. — Не будем ему мешать.

Мы на мгновение замолчали.

— Да он же не шевелится, — возразил мой отец.

Нам стало не по себе: все мы боялись подойти ближе.

— Эдвард, — сказала я наконец, — поглядите, точно ли его светлость спит.

Слуга подошел к дивану, на котором лежал лорд Гленфаллен. Он осторожно приблизил ухо к его голове, чтобы расслышать дыхание, а потом обернулся к нам и произнес:

— Миледи, полагаю, вам лучше удалиться. Я совершенно уверен, что его светлость мертв.

— Я хочу увидеть его лицо! — воскликнула я в непередаваемом волнении. — Возможно, вы ошиблись.

Подчиняясь моему приказанию, слуга перевернул тело лорда Гленфаллена, и — о боже! — какое страшное зрелище предстало моим глазам!

Рубашка с кружевным жабо у него на груди побагровела от крови, широко растекшейся по дивану.

Голова, казалось, была откинута, однако на самом деле почти отделена от тела глубокой раной, зиявшей на горле. Бритву, которой она была нанесена, нашли тут же, под телом убитого.

Все было кончено: я так и не узнала начало истории, в трагический финал которой невольно оказалась вовлечена.

Обрушившиеся на меня тяжкие испытания оставили в моей душе глубокий след, направив мои помыслы туда, где нет ни печали, ни воздыхания.

Так завершается краткое повествование, главные события которого, по мнению многих, разыгрались в одном аристократическом семействе, и хотя действие его относится к уже довольно отдаленному прошлому, мы ручаемся, что нимало не исказили факты.